

Доминго не прощается
12.03.2004

Пласидо Доминго не прощается

Мария БАБАЛОВА

В российской столице едва не повторилась история почти полувековой давности из биографии великого певца. Тогда на концерт молодого тенора в Тель-Авиве было продано всего два билета. Так вот, сейчас на московский концерт Пласидо Доминго раскупили едва ли больше трети билетов.

Но в данной ситуации нет никакой вины исполнителя. Просто организаторы концерта, похоже, захотели угодить в Книгу рекордов Гиннесса, установив цены на билеты до 60 тысяч рублей за штучку. За такие деньги можно устроить себе прекрасный weekend с посещением оперы в Лондоне, Вене или Париже, где за один вечер в настоящем оперном спектакле можно услышать не только Доминго, но сразу нескольких замечательных коллег, поэтому и зиял зал все первое отделение ужасающими пустотами в зале. Но благо было написано масса бесплатных приглашений, и после антракта галерка спустилась в партер, так что этот конфуз немного рассосался.

Но список конфузов за трехдневный визит певца на этом не исчерпывался. На пресс-конференции, украшенной неуклюжим конференсом достойного разве что провинциального цирка, Доминго никак не давали высказаться, пока свои амбиции не удовлетворили организаторы. Но и потом ведущий не отказывал себе в удовольствии перебить речь гостя ради своей очередной бессмысленной сентенции. Доминго за всем этим наблюдал со снисходительным недоумением.

После этой «очаровательной» встречи певец отправился на репетицию в Дом музыки. К сожалению, невзирая на все просьбы со стороны дирекции Национального филармонического оркестра России, Доминго отверг идею открытой для публики репетиции. Доминго репетировал полтора часа в обстановке строжайшей секретности. Нелестно отзывался об акустике Большого зала и долго общался с теми молодыми русскими певцами, которых пригласил участвовать в своем концерте. Испанец не любит петь концерты в одиночку. Больше всех повезло сопрано Наталии Ушаковой, с которой Доминго пел «Пиковую даму» в Вашингтонской опере — театре, который он возглавляет. Выпускница Петербургской консерватории фактически составила равноправный дуэт с Доминго по числу исполненных номеров в концерте. Но по уровню ее пения этот сценический союз выглядел мезальянсом или, в лучшем случае, не оправдавшимся авансом. Удачнее были выходы меццо Елены Манистиной и тенора Константина Андреева, ставших несколькими годами лауреатами конкурса Operalia, который Пласидо Доминго проводит в Лос-Анджелесе. Оркестром командовал американец Юджин

Знаменитый испанец дал единственный концерт в Москве

Кон, с которым Доминго уже не первый год сотрудничает в подобном концертном формате.

Пушечный слух, что на концерт собирается Владимир Путин, оказался рекламной уткой. Доминго начал свое выступление с двух изысканных арий — Родриго из оперы «Сид» Массне и Секста из оперы Генделя «Юлий Цезарь». Изысканность репертуара публика приняла прохладно. К тому же во время исполнения генделевской арии Доминго стало плохо: он покраснел, запнулся, но все-таки допел до конца. Однако после этого программа концерта пошла наперекосяк, и быстро был объявлен антракт, который длился больше часа. Казалось, еще мгновение, и бесстрастный голос из-за кулис сообщит, что в связи с болезнью певца концерт продолжен быть не может. Но, к счастью, врачи удачно «поколдовали», и Доминго снова появился на сцене, улыбаясь, как ни в чем не бывало. И пел божественно. Хотя микрофонная подзвучка старательно портила голос, а не помогала справиться с недружелюбной акустикой, которая оказалась все равно лучше дурных микрофонов.

Кульминацией стало исполнение сцены «Пиковой дамы» Чайковского. Герман был страстен и вокально идеален. А его обаяние просто зашкаливало. Потом последовали фрагменты из оперетт Легара и зажигательная испанская сарсуэла. Зал к этому моменту уже стонал от восторга и не желал расставаться с великим испанцем. И все же, исполнив «Тренаду», чем довел публику до полного экстаза, Пласидо Доминго уехал. Но, видно, не подозревая, что в пиарском порыве его нынешний визит в Москву поспешили окрестить «последним», певец планирует заглянуть в Москву еще раз — этой осенью.

Несмотря ни на что, Пласидо Доминго был прекрасным собеседником не только на пресс-конференции, но и не отказался ответить на вопросы «РК». Как истинный тенор, разговор начал с дифирамбов в адрес женщин:

— Должен заметить, что я, как и все мужчины, сознаю, что женщины доминируют над нами — мужчинами. И все то прекрасное, на что мы оказываемся способны, вдохновленные женщинами, в конечном итоге, — это их заслуга. Все в нашей жизни происходит из-за женщин и ради них.

— Какие ассоциации вызывает у вас нынешний визит в Москву?

— Именно в этом году 30 лет с тех пор, как я впервые приехал в Москву. В 1974 году в Большом театре на гастролях La Scala я пел «Тоску»

Пуччини. Тогда публика просто завалила меня цветами. Потом около двух сотен человек прорвались ко мне за кулисы: их глаза горели, они заходили, улыбаясь, как ни в чем не бывало. И пел божественно. Хотя микрофонная подзвучка старательно портила голос, а не помогала справиться с недружелюбной акустикой, которая оказалась все равно лучше дурных микрофонов.

— Почему ваш выбор пал на Наталию Ушакову?

— Наталия — солистка Вашингтонской оперы. Я ее знаю уже не один год. Вообще меня всегда поражаало и поражает то огромное количество русских певцов с прекрасными голосами. Думаю, они все могут рассчитывать на успешное будущее.

— А дефицит теноров, на ваш взгляд, это миф или реальность сегодняшней оперы?

— Думаю, выдумка. Потому что и во времена моего дебюта было полно теноров. Мне кажется, что найти сегодня хорошего тенора или меццо гораздо проще, чем хороших баритона или драматического сопрана. Сейчас невероятно трудно отыскать го-

лоса для опер Верди. Если найдешь один, это уже подвиг судьбы. Если нужно собрать подходящий состав для «Трубадура», то он может оказаться единственным в мире. Я просто думаю, что природа сейчас не создала еще новых мощных голосов. Потому что это происходит циклично.

— Кого из теноров вы можете назвать в качестве своих преемников?

— Мне нравятся и мексиканец Рамон Варгас, и аргентинец Хосе Кура, и итальянец Роберто Аланья. Хотя, конечно, рождение теноров — это удел теплых стран, а в России, наверное, из-за сурового климата все больше появляются басы да баритоны.

— Какую свою партию вы считаете наиболее удачной?

— Я, как своих детей, люблю все свои партии. Самой же удачной моей ролью принято считать Отелло. Но я не могу с этим согласиться. Как же тогда насчет Де Грие в «Манон Леско», Гофмана, Лознрина?

— Стоя за дирижерским пультом, ревнуете ли вы тенора?

— Конечно же, нет. Это две разные вещи. Всем надо заниматься в свое время. Нельзя никогда делать все вместе и сразу. Когда дирижирую, я никогда не думаю о том, что я мог бы петь. Когда я пою, я не могу даже представить себе, что в данный момент я мог бы дирижировать. Самое главное в любой профессии — знать, что ты на своем месте и делаешь то, что должен делать. Мне одинаково нравится все. Это дает мне очень объемное представление изнутри и со всех сторон о нынешнем оперном мире.

— А много тех партий, о которых вы жалеете как о неспетых?

— Скажу честно. Я гор-

жусь, что имею большой репертуар и постоянно стремлюсь к его увеличению. Стыдно, если ты можешь исполнить какую-то роль, но не делаешь этого. И я уверен, что аудитория ценит в исполнителе широкий диапазон ролей. Я с легкостью выражаю свои мысли, самого себя на разных языках и в разных странах. И считаю этот путь самым экстраординарным и одновременно полным для общения с людьми. В следующем сезоне на сцене Metropolitan opera я планирую спеть оперу Альфано «Сирано де Бержерак». Сейчас я стараюсь петь 70 спектаклей за сезон. Но очень трудно сделать в жизни все то, что хочется. Я с удовольствием спел бы и Нерона в «Коронации Поппеи» Монтеверди, и вагнеровский Тристан — это одна из моих желаемых партий, которую я так и не спел на сцене. В какой-то момент я подумал, что еще рано, а сейчас, может быть, уже поздно. Я думаю, что Вагнер написал всю музыку «Тристана» в очень высоких полутонах. Может быть, так выражал чувство безысходности, которое он хотел показать. Но я все думаю, если бы партия была ниже на полшага... Кстати, я никогда не отрицаю право на транспонирование музыкального произведения, если кому-то это надо. Транспонирование на полтона не поможет плохому певцу. Помочь же певцу с прекрасным голосом кажется мне абсолютно нормальным. Если певец в определенный момент своей карьеры продолжает петь то, что кажется ему слишком сложным, это будет не нужным ни ему, ни публике. Но для записи Тристана, полагаю, у меня еще есть несколько лет. И в нынешнем ноябре я попытаюсь это сделать.

— А каким для вас было соприкосновение с русским языком?

— Русский — это великолепный язык, но очень трудный. Единственное, в чем я очень нуждаюсь, — это практика в языке. Но партия Германа меня всегда безумно очаровывала. И много лет надеялся, что когда-нибудь я обязательно его спою. Мне жаль, что в молодости я не знал таких русских опер, как «Иоланта» или «Мазепа».

— Жаль, что в последние годы вы приезжаете в Москву лишь с концертами, да к тому же требующих микрофонной поддержки...

— Естественно, оперному певцу лучше петь без микрофона, в уютном помещении с хорошей акустикой. Но я лично уже привык и к микрофону. Современные звуковые системы позволяют с минимальными потерями передать натуральное звучание человеческого голоса. Хотя, конечно, я предпочитаю петь спектакли или чисто оперные концерты. Но сегодня публика желает слышать концерты, где звучит разная музыка, поэтому приходится комбинировать программы из разных стилей и жанров. Перед приездом в Москву я давал концерт в Кельне. Первоначально его программа на 80 процентов была оперной, но организаторы концерта сказали, что она не годится. Публика требует разнообразия, каждые три-четыре минуты ей нужны какие-то новые эмоции. Оттого в программе концерта соседствуют оперные арии с номерами из оперетт и даже народными и неаполитанскими песнями. Но я обещаю сделать все, от меня зависящее, чтобы в Москве состоялась моя оперная гастроль 30 лет спустя или чуть больше...

